

Жадан В.Б.

ЭЛЕМЕНТЫ ГЕДОНИЗМА И АСКЕТИЗМА В УТОПИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ

В периоды острых социально-политических кризисов и жесткого давления власти на личность, сопровождающих смену типов миропонимания, становятся неистовее страсти и особо остро ощущаются страдания. Одновременно происходит обращение к гедонистическим и эвдемонистическим учениям, которые становятся основой для построений счастливого общества. Утопические построения не только создают образ идеального общественного устройства, они иллюстрируют философско-этические учения и оживляют абстрактно-теоретического человека. Безукоризненные, на первый взгляд, но статичные философские теории могут рухнуть при соприкосновении с действительностью. Утопия позволяет “проиграть” предлагаемые ими варианты, обнаружить слабые стороны той или иной идеи. Утопии, описывающие сообщество счастливых людей, построены на поиске гармоничного сочетания или доминировании различных элементов гедонизма и аскетизма. Это обусловило актуальность данной статьи.

В исследованиях, посвященных утопиям, основное внимание было сосредоточено на отношении их авторов к социальной справедливости, свободе, труду, частной собственности, сбалансированному соотношению интересов человека и государства. Утверждение авторов, что человек в описываемом мире счастлив, не подвергалось сомнению. Но в этих исследованиях недостаточно уделялось внимание внутреннему миру “утопического” человека, его желаниям, тому, что делает его жизнь счастливой и чем она наполнена. Одновременно исследования, посвященные темам гедонизма и аскетизма, не рассматривают их проявления в утопических построениях, между тем как удовольствие является неотъемлемой частью счастливой, а аскетические элементы – нормальной жизни человека. Определение места аскетизма и гедонизма в предлагаемых в качестве идеального образца социумах и стало целью статьи.

Первые кризисы миропонимания в Древней Греции вызвали к жизни такие утопические построения, как “Законы” и “Государство” Платона, вариант социального устройства на основе авторского философского учения. Платон подробно рассуждает о том, каким должен быть человек для общества, но только из косвенных указаний можно восстановить представление автора о том, как именно должен быть счастлив индивидуальный человек в идеальном обществе, что делает его жизнь счастливой.

Платон был знаком с пифагорейским учением и его аскетическим содержанием, которое было средством достигнуть поставленной цели, освободить бессмертную душу из-под власти поработившего ее тела. Но в утопической теории цель пифагорейского учения была заменена его средством. Платон подчинил жизнь “государственного” человека не заботе о сохранении чистоты своего тела и совершенствованию своей же души, а соблюдению интересов некой системы. А. Боннар назвал платоновский проект “одним из наиболее тяжелых расстройств человеческого разума”. Подобные

расстройства оказались привлекательными и обрели последователей. Многие принципы “Государства” были взяты за основу в классических утопиях XVI-XVIII веков. Авторы утопических романов Дени Верас, Морелли, Мелье и другие, развивая идеи платоновского “Государства”, основное внимание сосредоточили на социальных вопросах, внутренний мир человека занимает их мало. В центре их описаний – не живой человек со своими страданиями, радостями и страхами, а беспристрастное Государство.

В утопиях устранены все недостатки, которые привели современное автору общество к кризису. К недостаткам были приписаны и страсти. Античная философская мысль относилась к страстям настороженно. Страсти считались неестественным состоянием, которые вызывают сильное волнение души и приносят страдания. И у Платона, и у его последователей предполагается такое общественное устройство, в котором отсутствуют страсти.

В государстве Платона строго регламентированы все стороны жизни человека, в том числе каждому отмерена его доля удовольствия. Трём сословиям соответствовали три начала человеческой души и три вида удовольствий. Только правителям-философам знакомо подлинное удовольствие, которое соответствует познающей части души. Сословиям, наделенным “яростной” и “вождеющей” частями души, подлинное удовольствие недоступно, они довольствуются его видимостью. Такое удовольствие вызывается страстями и портит нравы. Потому главная забота правителей-философов – пресечение всех проявлений страсти. Стражам и работникам достаются только те суррогаты удовольствия, которые обоснованы принципами государственной пользы.

Начало классической утопии совпало с активным обсуждением в среде ученых-гуманистов этики Эпикура. Ссылаясь на Эпикура, они создают собственную концепцию наслаждения, в которой обосновываются естественность удовольствия души и тела и естественность страстей. Принципы пользы и естественности становятся первостепенными как в гедонистических учениях, так и в утопических построениях.

Положения “гуманистического гедонизма” были изложены в “Утопии” Томасом Мором. Жители его идеальной Утопии рассуждают об удовольствии и о том, как оно соотносится с добродетелью и счастьем человека. В соответствии с идеями гуманистического гедонизма, которые были высказаны Козимо Раймонди, Лоренцо Валлой и другими, утопийцы рассуждают о естественности наслаждений как духовных, так и телесных. “Природа поставила перед тобой наслаждения и дала душу склонную к ним”, – писал Л. Валла [1, с. 487]. “Удовольствие, как предел наших деяний, предписывает нам сама природа”, – вторит ему житель утопии [4, с. 213]. Жизнь согласно природе – это основное условие удовольствий в Утопии. И счастье ставится в прямую от него зависимость. Естественность – тот критерий, по которому определяется “добропорядочность” удовольствий, “ибо по природе приятно все, зачем не следует страдание” [4, с. 215]. Предполагая разделение удовольствий на духовные и телесные, истинные и ложные, утопийцы, конечно же, признают только истинные. Эта истинность санкционирована правителями-мудрецами, удовольствия каждого члена общества им подконтрольны и “ложные” удовольствия наказываются со всей строгостью. Подконтрольность удовольствий – не только утопическая черта, одобрение или

порицание общества всегда имеет значение, однако “неидеальное” общество оставляет человеку возможность выбора. Мор счел нужным сохранить в Утопии платоновское бесстрашие, хотя эпоха Возрождения оправдала страсти, признав в них проявление человечности. Несмотря на рассуждения о естественности удовольствий, в утопии они лишены своего естественного начала.

Со второй половины XIX века отношение к идеалу, создаваемому философскими учениями, становится более критичным. Утопическое общество, построенное на тех или иных философских принципах, рассматривают в развитии, это позволяет увидеть последствия “счастья”. Оказалось, что “дивный новый мир” дневных размышлений превращается в ночной кошмар, счастливая утопия – в антиутопию, тоже иногда счастливую. Авторы антиутопий, уделяя больше внимания месту удовольствия и страдания в жизни человека, обнаружили слабые места в философских учениях, которые становились основами для утопий.

С конца XVIII века в европейском обществе большую популярность приобрела философия утилитаризма Иеремии Бентама, которая связала пользу и удовольствие, представив их естественной и единственной побудительной причиной всех действий человека. В рассказе В.Ф. Одоевского “Город без имени” идея утилитаризма представлена в динамике. Жители Бентамии заняты производством и торговлей. Польза, приносимая их деятельностью обществу и каждому в отдельности, очевидна. Удовольствие, которое они испытывают, не подлежит сомнению. Только полезное доставляет удовольствие людям, для других наслаждений времени не осталось, даже религия и искусство допускаются с условием подчинения общей цели. Счастливые люди избавляются от всего бесполезного, в первую очередь от бесполезных страстей и удовольствий. Изгнаны поэты, а вместе с ними – духовные удовольствия, бесполезные в “народном хозяйстве” (поэтам, как мастерам лжи, нет места и у Платона). За ними следом изгоняются философы, с их уходом “таинственные источники духа иссякли; какая-то жажда томила, – а люди не знали, как и назвать ее. Общие страдания увеличились” [5, с. 363]. Постепенно человек превратился в механизм, его главное удовольствие – накопление – оказалось недолговечным.

Удовольствия в антиутопиях часто приобретают гипертрофированный характер. Так, чувственное удовольствие в романе О. Хаксли “О дивный новый мир” становится делом государственной важности. Ему так много уделяют внимания, так серьезно к нему подходят, что оно становится стандартизированным, искусственным и обязательным, но при этом настолько бесстрастным и поверхностным, что не затрагивает души человека. Удовольствие в новом мире так же подчинено принципу общественной пользы, как и “аскетизм” в государствах платоновского образца. Они создают иллюзию равенства и свободы, а значит, счастья. Но это счастье так же иллюзорно, как и в государстве Платона. Утопия не предполагает динамики, потому утопическое счастье – это застывшее существование, страх перед переменой, которая может принести с собой страдание. Счастье в утопии обеспечивается условием статичности не только общества, но и личности. Человек утопии не смеет задумываться над своей жизнью, ставить цели и стремиться к некоему идеалу. В утопии каждый занимает свое место, соответствующее

его природным способностям, и доволен им, не стремится к иному, да и не знает, что это возможно.

Упразднив таким образом причины разногласий, авторы утопий удалили из жизни человека все страсти и желания. Они убеждают от имени своих героев, что аскетизм, а точнее ограниченность материальной сферы, соответствует природе человека. Строгая регламентация всей жизни человека, уравнивательность, подавление его индивидуальности, что в утопии чаще всего выражается в подавлении его чувственности, это, по мнению авторов, должно доставлять человеку удовольствие и сделать его счастливым. Если беды людей происходят от гордости, алчности и жадности, – говорят севарамбы Вераса, – значит необходимо исключить все, что их вызывает. Они считают, что в основе удовольствия лежит умеренность: “необходимо наказывать всякую невоздержанность, ибо она развращает тело и душу и оказывает действие противоположное добродетели” [2, С. 263]. Морелли не отступает от общей тенденции эпохи, когда обосновывает естественность всех влечений человека. Но для него естественность означает отказ от собственности, роскоши и развлечений. Пример настоящего буржуазного аскетизма представляют бентамиты. Они настолько подчинили свою жизнь стремлению к накоплению, что ограничили не только материальную сферу, но и духовную. Получился парадокс, тотальное счастье достигнуто, минуя предыдущие этапы: желание, удовольствие от ее реализации и наслаждение. От страстей, несущих страдания, жители утопий избавлены. Но страсти являются не только источником страдания, но и удовольствия.

В утопических построениях из множества составляющих аскетизма избирается только комплекс ограничения чувственно-материальной сферы. На воздержании и подчинении общественной пользе своих желаний и обуздании страстей построена вся индивидуальная жизнь. Но самоограничение не является самостоятельным элементом. В аскетических учениях оно позволяет отказаться от лишнего и сосредоточиться на духовном развитии личности, сопровождает духовное совершенствование, преодоление низменной сущности человека.

Все остальные элементы аскетизма в утопиях упускаются, например, основное условие аскетизма – самосовершенствование. Он в утопии не предполагается, т.к. не предполагается развитие человека. Духовное совершенствование в утопии Платона обязательно для элиты – философов. Ниже стоящие группы лишены духовной сферы жизни. Они могут совершенствоваться только в том ремесле или ином мастерстве, для которого предназначены и в воздержании. Даже искусство, которому обучаются стражи, обращается не к их душе, а предназначено научить мужеству и презрению к смерти. Верас и Морелли сосредотачивают совершенствования жителей своих утопий в сфере мастерства, также лишая их других потребностей. Духовное ограничивается совершенствованием своей добродетели, которая заключается в соблюдении законов. Жители Бентамии развивают свои технические и коммерческие достижения, отказавшись от духовной сферы как от бесполезной. А в “новом мире” Хаксли и речи нет о каком бы то ни было развитии, ведь способности каждому даны от рождения.

Таким образом, утопии исключают удовольствие как нормальное человеческое

чувство. Но и аскетизма, о котором часто говорят, комментируя утопический образ жизни, в утопиях нет. Скучность материальной жизни, ведущая к скучности духовной жизни, не может быть названа аскетизмом. Каждый автор утопического построения делает попытку создать модель счастливого общества, в котором нет страданий, а любая деятельность приносит удовольствие. Но оказалось, что для этого необходимо лишить человека не только личностного начала, но и многих человеческих качеств. Для того чтобы все были счастливы, все должны испытывать одинаковые чувства и мысли. В XVIII веке такая возможность серьезно рассматривается, например, Бабеф в 1796 году называл Морелли своим учителем, ссылаясь на его “Кодекс природы”. Уже в XX веке “Общность. Одинаковость. Стабильность” в утопии Хаксли, обеспеченные отсутствием страстей и общностью удовольствий, воспринимается как начало конца света. Притязания философов на возможность создания социального идеала не оправдались.

Мечта о золотом веке, о всеобщем счастье, жизни в удовольствиях и отсутствии страданий может осуществиться только при условии растительного существования человека. Человечество выросло и, разочаровавшись в возможности безмятежного утопического счастья, пришло к реальному восприятию действительности. Но на месте утопии расцветают жанры фантастики и фантазии, которые снова возвращают человека в детство. Соотношение аскетических и гедонистических элементов в этих жанрах может быть темой другого исследования. Можно отметить, что с утопией их роднит обязательное условие счастья человека. Но счастье – не только нечто данное или дар совершенных существ, которые разделяют свое совершенство с человеком, но часто результат очищающей и возвышающей роли страдания, духовного совершенства.

Литература:

1. Верас Д. История севарамбов. – М.: Изд-во акад. наук СССР, 1956. – 316 с.
2. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5-ти т. Т. 1. – М.: Изд-во академии художеств СССР, 1962. – 684 с.
3. Кампанелла Дж. Д. Город Солнца // Утопический роман XVI-XVII веков. – М.: Изд-во худож. лит., 1971. – С. 143-190.
4. Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. – М.: Изд-во акад. наук СССР, 1956. – 300 с.
5. Мор Т. Утопия. – М.: Наука, 1978. – 382 с.
6. Одоевский В.Ф. Город без имени // Русская фантастическая проза эпохи романтизма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 352-366.
7. Платон. Государство // Платон. Сочинения. В 3-х т. Т.3. – М.: Мысль, 1971. – С. 91-454.